

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800026310-7

Мотив юродства в романе Ф. М. Достоевского “Бесы”

© 2023 г. А. Б. Криницын

Доктор филологических наук
профессор Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
derselbe@list.ru

Резюме. В первой части статьи обзревается исследование темы юродства в “пятикнижии” Ф.М. Достоевского и критикуются некоторые слишком широкие его толкования. Вырабатывается собственное понимание данного мотива и его реального места в творчестве писателя. Проводится дифференциация юродивого и юродствующего героя, а также отличие юродства от шутовства. Во второй части рассматривается мотив юродства в романе “Бесы”, поскольку это единственный роман “пятикнижия”, где данный мотив действительно выполняет идейную и сюжетобразующую функции. Выявляется мотив юродства у целого ряда персонажей, таких как Ставрогин и Лизавета Тушина, помимо буквально юродивых (Марья Тимофеевна, Семен Яковлевич). Показывается, как развитие мотива юродства в “Бесах” позволяет Достоевскому передать своё специфическое видение эпохи перемен, поскольку писатель усматривает обусловленность духовных пертурбаций настоящего исторического момента русским национальным характером и глубинными пластами народного сознания – исконной низовой религиозной традицией.

Ключевые слова: юродство, юродивый, Ф.М. Достоевский, роман “Бесы”, А.М. Панченко, шутовство, беснование, народная религиозность.

Для цитирования: Криницын А.Б. Мотив юродства в романе Ф.М. Достоевского “Бесы” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 3. С. 14–24. DOI: 10.31857/S160578800026310-7

The Motive of Foolishness in the Novel by F. M. Dostoevsky “Demons”

© 2023 Alexander B. Krinitsyn

Doct. Sci. (Philol.),
Professor at the Lomonosov Moscow State University,
1 Bld. 51 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
derselbe@list.ru

Abstract. The first part of the article reviews the study of the theme of foolishness in the “Pentateuch” of F.M. Dostoevsky and some of his too broad interpretations are criticized. An own understanding of this motive and its real place in the writer’s work is developed. The differentiation of the holy fool and the foolish hero is carried out, as well as the difference between foolishness and buffoonery. In the second part of the work, the motif of foolishness in the novel “Demons” is considered, since this is the only novel of the “pentateuch” where this motif really performs an ideological and plot-forming function. The motif of holy foolishness is revealed in a number of characters, such as Stavrogin and Lizaveta Tushina, in addition to literally holy fools (Marya Timofeevna, Semyon Yakovlevich). It is shown how the development of the motif of foolishness in “Demons” allows Dostoevsky to convey his specific vision of the era of change, since the writer sees the conditionality of the spiritual upheavals of the present historical moment by the Russian national character and the deep layers of the people’s consciousness – the original grassroots religious tradition.

Key words: foolishness, holy fool, F.M. Dostoevsky, the novel “Demons”, A.M. Panchenko, buffoonery, demonic possession, folk religiosity.

For citation: Krinitsyn, A.B. *Motive jurodstva v romane F.M. Dostoevskogo “Besy”* [The Motive of Foolishness in the Novel by F.M. Dostoevsky “Demons”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 3, pp. 14–24. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800026310-7

Тема юродства давно уже обсуждается в достоевсковедении, что свидетельствует о ее важности, однако исследователи по-прежнему расходятся даже в постановке проблемы, не сходясь ни в основополагающих определениях юродства, ни в согласовании круга лиц, к юродивым причисляемых. Дело в том, что в самих текстах Достоевского (прежде всего, в “пятикнижии”) юродивыми именуются слишком многие, подчас совершенно непохожие друг на друга персонажи (как то: Лизавета Ивановна и Соня Мармеладова в “Преступлении и наказании”, князь Мышкин в “Идиоте”, Марья Тимофеевна и Семён Яковлевич в “Бесах”, Лизавета Смердящая, Федор Павлович Карамазов, капитан Снегирев, отец Ферапонт, старец Зосима и Алеша в “Братьях Карамазовых” и др.). При наличии классических работ, где феномен юродства концептуально разрабатывается как неотъемлемый элемент древнерусской религиозной и смеховой культуры ([1]; [2]), подобные номинации героев предоставляют возможность для многочисленных построений, связывающих тему юродства у Достоевского либо с православной (как русской национальной) религиозностью, либо со средневековым карнавальным мироощущением (с опорой на работы М.М. Бахтина).

БАС определяет юродство как: 1) “состояние невменяемости, умопомешательства”; 2) “нарочито ненормальное, неестественное поведение, вызванное чаще всего религиозными мотивами” [3, с. 2003]. По описанию “Толкового словаря” В. Даля, “юродивый — безумный, божевольный, дурачок, отроду сумасшедший, народ считал юродивых Божиими людьми, находя нередко в бессознательных поступках их глубокий смысл, даже предчувствие или предвидение, церковь же признает и юродивых Христа ради, принявших на себя смиренную личину юродства, но в церковном же значении юродивый иногда глупый, неразумный, безрассудный” [4, с. 669]. Таким образом, Даль выделяет два типа юродивых: безумных “отроду” и юродивых “Христа ради”, то есть сознательно разыгрывающих роль, подражая в униженности Христу. Точно так же А.М. Панченко различает юродивых “во Христе” (изначально безумных) и юродивых “Христа

ради” — сознательно избравших юродство как подвижничество.

В исследованиях А.М. Панченко и Г. Федотова [5] более развернуто описывается юродство как социальный и культурно-религиозный феномен. Так, Панченко выделяет следующие функции древнерусского юродивого: *социальная* — восприятие юродства как “общественного служения” и “общественного протеста” [1, с. 110, 139–183]; *этическая* — юродство как обязанность “ругаться миру”, т.е. обличать людские пороки и грехи [1, с. 111]; *религиозная* — юродство как забота юродивого о спасении своей души через своеобразно понятое следование и подражание Христу [1, с. 110].

В работах же достоевистов определения юродству могут даваться самые расплывчатые и разнообразные. Так, для Л.И. Сараскиной юродство у Достоевского — это и “экстраординарное состояние духа человека, дерзающего сказать то, о чем другие молчат”, и “простодушие, бескорыстие, честность, доброта, кротость, совестьливость” [6, с. 140]. Вряд ли можно очертить круг “юродивых” в романах “пятикнижия” по столь общим “признакам”.

Причисление к юродивым Мышкина (на основании единичной номинации его таковым в романе) позволяет Е.П. Гуровой сделать смелый вывод: “В романах писателя происходит практически прямое сопоставление-наложение образов **Христа и юродивого**. Юродивый приходит в мир не для того, чтобы обличать, а для того, чтобы искупить грехи людей на земле” [7, с. 139]. Данное отождествление не мешает исследовательнице буквально через абзац утверждать, что “полифонизм, как важнейшая особенность поэтики Достоевского, движущая сила сюжета, предполагает изначальную неразрывную связь образов **юродивого и бесноватого**” [7, с. 139; выделения везде мои. — А.К.]. Означает ли это бесноватость Мышкина или (*horribile dictu!*) самого “Христа”, в статье умалчивается. Итоговый вывод статьи состоит в том, что образы юродивых “поликультурны, вмещают в себя традиции разных культур, что зачастую обуславливает их некоторую противоречивость” [7, с. 143]. Этот вывод также

представляется неосновательным: в течение всей работы говорилось о юродстве как о феномене *одной* — православной культуры, с упоминанием, правда, его византийских корней. (К другим культурам в статье отсылает лишь цитата из Д.С. Мережковского касательно того, что на Востоке эпи-лептиков почитали как ясновидящих и пророков. Однако попытки обнаружить черты эпилепсии у Хромоножки [7, с. 141] представляются неубедительными, тем более что прямой связи между юродством и эпилепсией нет.)

В.В. Иванов, автор монографии и многочисленных работ на тему юродства у Достоевского, однозначно причисляет к юродивым всех главных героев “пятикнижия” — носителей положительной религиозной идеи — Соню Мармеладову, Мышкина, архиерея Тихона, старца Зосиму на том основании, что все они в тексте были однажды названы “юродивыми”. Их юродство, по В.В. Иванову, заключается в выпадении из социума, причастности к “иерархии духа” и следовании крестному пути Христа, который [путь] также считается Ивановым «максимальным выражением принципа “смеха и глумления”» [8, с. 203], с опорой на 1-е послание к Коринфянам (гл. 1, ст. 18, 21, 22, 23)¹. При подобной интерпретации понятие “юродства” становится тождественным в целом “истинному христианству”, а потому избыточным, в то время как изначальная характеристика юродивых через их специфическое девиантное, “похабное” поведение вообще не учитывается, ибо оно действительно не наблюдается у данных героев и совершенно не укладывается в концепцию В.В. Иванова. Остальных же персонажей с чертами юродства, но не идущих “путем Христа”, исследователь считает “лжеюродивыми”, как, например, о. Феропонта [8, с. 208]. С подобными проблемами (к примеру, с необходимостью совместить в одном ряду, согласно номинации их “юродивыми”, Федора Павловича, старца Зосиму, Алешу и Лизавету Смердящую) сталкиваются и прочие исследователи, берущиеся за внешне столь выигрышную, но на деле коварную тему, что заставляет их, как правило, описывать лишь нескольких, произвольно выбранных героев — “юродивых”, взятых зачастую из разных романов [7].

¹ При этом у ап. Павла речь идет о лишь “безумном” звучании проповеди Христа для мира. Более того, неочевидно, насколько адекватно древнегреч. *μωρία* — ‘глупость, безумие’, переведенное в синодальном переводе как “юродство”, соответствует феномену древнерусского “юродства”, чтобы выстраивать описание последнего, а также понимание “юродства” Достоевским на основании данной цитаты из ап. Павла.

Дополнительным “моментом путаницы” для интерпретаторов юродства у Достоевского становится рассмотрение А.М. Панченко юродства как специфически русского чина *святости*. Механически проецируя материал Панченко на “юродивых” героев “пятикнижия”, многие исследователи забывают, что, с одной стороны, далеко не все “блаженные” на Руси были святыми, и, с другой стороны, “святым” не может считаться ни один герой “пятикнижия”.

На наш взгляд, номинация одного героя другим как “юродивого” (зачастую — единожды) в большинстве случаев не означает авторского согласия с ней. Вспомним, как часто именуют “идиотом” Мышкина, при том что об его идиотизме не может идти речи, невзирая даже на само заглавие романа. Точно так же выражение “юродивый” в устах персонажей — зачастую не более чем презрительное, обидное наименование для верующего христианина, распространенное в “просвещенных” атеистических кругах 1860-х годов.

— Вы... вы... вы маленький юродивый, вот вы кто! — с побледневшим уже лицом и скривившимися от злобы губами отрезала вдруг Катерина Ивановна [9, т. 14, с. 175] (об Алеше).

— Вы правы, но вы грубый циник <...> Все-таки вы чудак и юродивый... — Он [Ставрогин] раздражался всё больше и больше и, странно, не стеснялся в словах [9, т. 11, с. 11] (о Тихоне).

Той же точки зрения придерживается Ф.В. Макаричев, считающий, что, за исключением Хромоножки и Лизаветы Смердящей, в отношении других героев “было бы точнее говорить о мотиве юродства. Мышкин, Алеша Карамазов, Тихон — не являются юродивыми в полном смысле этого слова. Чаще всего черты юродства проявляются у этих героев ситуативно и подмечаются не автором-повествователем, а другими персонажами. Эти замечания носят подчеркнуто субъективный характер и отражают светское и часто просто обывательское понимание этого явления” [10, с. 458–459]. (К сожалению, исследователь сосредотачивается в своей статье преимущественно на теме юродства в “Преступлении и наказании”).

Обыкновенно обвинение в юродстве следует как реакция на любой нестандартный поступок или непонятные слова от лица верующего с общепринятой “светской” точки зрения. (Зиновий после отказа от выстрела на дуэли: “Вот я раз в жизни взял да и поступил искренно, и что же, стал для всех вас точно юродивый: хоть и полюбили меня, а всё же надо мной, говорю, смеетесь” [9, т. 14, с. 273].)

Синонимами к юродству в гневной речи персонажей становятся также чудачество, шутовство, а иногда и более витиеватые выражения: "Алексей Федорович, – проговорил [Иван] с холодной усмешкой, – я *пророков* и *эпилептиков* не терплю; *посланников божиих* особенно" (курсив мой. – А.К.).

Равным образом не позволяет причислить персонажа к юродивым общая странность поведения, его подчеркнутая религиозность и смиренность. Это несомненное размывание понятия. Достоевский изначально замышляет "странными" практически всех главных героев, что характерно для его психологизма в целом. Редкие исключения, наподобие Разумихина, Радомского, Епанчина и т.д., – нужны как некий эталон общественной нормы, чтобы остальные герои могли ее нарушать своей эксцентричностью.

В то же время, ряд персонажей являются юродивыми в прямом смысле – это Марья Тимофеевна, Семен Яковлевич (списанный с известного московского "блаженного" Корейши), Лизавета Смердящая, отец Ферапонт. Из них Марья Тимофеевна и Лизавета могут считаться юродивыми "во Христе", то есть действительно безумными, а Ферапонт и Семен Яковлевич – юродивыми "ради Христа", то есть сознательно решившими юродствовать. Все четверо и должны в первую очередь быть рассмотрены при желании понять юродство как явление. При этом юродство обоих последних – безблагодатное, близкое к актерству. О том, что "юродству знакомы и подделки", говорит и А.М. Панченко: [существуют] «...лжеюродивые, которые сделали из юродства промысел, дающий пропитание. Они рассчитывают на легковверных людей; это они "творяются маломыслы, а потом их видят целоумных"»; «О юродивом же до его смерти ничего определенного сказать нельзя. Может быть, это юродивый "Христа ради", а может быть – мнимоюродивый» [1, с. 138]. Е.Г. Кабакова предлагает называть таких персонажей "юродствующими": «С XVI–XVII веков <...> идея и функции юродства были трансформированы, искажены. "Добровольные юродивые" перестали свое юродство связывать с образом Христа и Его заповедями. В их юродстве возникают корысть, гордыня. Юродивые спускаются в народ и претерпевают процесс вырождения. Именно этих мнимых юродивых мы предлагаем называть "юродствующими"» [11, с. 94].

Однако тут же Е.Г. Кабакова усложняет терминологию, говоря о функциональном «разнообразии модификаций "юродствующего" (например, юродство Федора Карамазова и Алексея

Кириллова носит религиозно-философский характер; Семен Яковлевич и Лебядкин являют социальное юродство, а Петр Верховенский и фон Лембе – политическое)». Таким образом, благодаря вольному употреблению термина, под категорию юродивых начинают подходить все персонажи, имеющие комические черты, и после Хромоножки вторым героем-юродивым, подробно разбираемым в статье, становится... капитан Лебядкин – в силу того, что он беден (ибо юродство "ради Христа" смешивается с "христорадничеством"!) и занимается "лицедейством" [11, с. 98].

Чтобы внести терминологическую ясность, мы предлагаем различать у Достоевского следующие группы персонажей: 1) "юродивых во Христе" (Хромоножка, Лизавета Смердящая), 2) "лжеюродивых" (Ферапонт, Семен Яковлевич), а также внушительное число 3) "юродствующих" героев, не ведущих образ жизни юродивого, но иногда прибегающих, в силу разных причин, к "юродливым жестам". Именно у этой группы вполне могут присутствовать черты *беснования*, в то время как у настоящих юродивых (по описанию А.М. Панченко) совмещение "бесноватости" и "хриstopодобия" невозможно. Наконец, есть целый ряд героев просто 4) *обидно поименованных* "юродивыми" со стороны персонажей, далеко не авторитетных для автора, без проявления у них собственно "юродливых" черт. Последняя группа выводится за рамки темы данной статьи. (При таком разграничении снимается неразрешимое для многих исследователей юродства якобы "противоречие", вынуждающее либо искать черты "бесноватости" у Хромоножки, либо делить добрую половину героев "пятикнижия" на "хриstopодобных" и "лжеюродивых".)

Нам кажется, что при адаптации определений А.М. Панченко к образам "пятикнижия" именно юродливая манера поведения в сочетании с загадочностью и тайной духовной значимостью внешне "неприличного" поступка определяет феномен юродства у Достоевского и дает четкие границы использования данного понятия.

Демонстративное театрализованное поведение вообще характерно для многих героев Достоевского и само по себе является интереснейшим объектом исследования, и юродство представляет лишь один из его модусов, наряду с *шутовством*, *актерством* и *беснованием*. Если *актерство* – неизбежный элемент сознательного юродства (просто актерство само по себе может быть и не в такой агрессивной и сниженной форме), то

беснование трудно отделимо от девиантных выходов безумных юродивых.

Мы не можем согласиться с Р.Я. Клейман, отождествляющей *шутство* и *юрродство*. Так, по ее словам, “в народном сознании шутство — игра — нечистая сила — юродство составляют один семантический ряд, добавим: соотносимый с художественной семантикой Достоевского...” [12, с. 66]. Таким образом, она впадает в иную крайность, чем В.В. Иванов, отождествляя юродство, через шутство, уже не со святостью, но с демонизмом.

Поведение шута своей девиантностью внешне сходно с поведением юродивого. Оба демонстративно нарушают общепринятые правила поведения, издеваясь над нравами социума. С помощью них Достоевский воплощает свой излюбленный принцип режиссирования конклавов (массовых сцен) через разрушение норм повседневного общения вплоть до скандала. Шуты и юродствующие в “пятикнижи” выступают в роли трикстеров, провоцирующих скандал своим агрессивно вызывающим поведением. Разница между ними, однако, состоит в том, что *шут*, для того чтобы рассмешить окружающих, сознательно идет на самоуничтожение, благодаря чему получает возможность с позиции своей “низости” смеяться над остальными. Главный мотив шутства — всегда вопрос большого самолюбия и “стыда себя”. У юродствующего же персонажа вообще нет цели кого-нибудь смешить. Он может вести себя крайне странно и вызывающе, но не ради самоуничтожения, хотя зачастую оскорбляет других. Его цель — завоевать своеобразную эмоционально-духовную власть над окружающими. Юродивый “проповедует” действиями, своим поведением, всем своим образом жизни. Он бросает вызов миру, поучая его своим “юрродливым” жестом и претендуя на роль идеолога. Один и тот же персонаж может в разных сценах избирать либо шутковскую, либо юродливую манеру поведения (например, Петр Верховенский). Отметим также, что шуты в произведениях Достоевского встречаются гораздо чаще.

Наиболее часто лексема юродства встречается в “Братьях Карамазовых”, что заметно и по числу персонажей, так в романе поименованных. Однако центральным мотив юродства оказывается в романе “Бесы”, где он всесторонне разработан. Именно в “Бесах” присутствуют два персонажа, прямо заданные как юродивые, а не просто поименованные таковыми в беседе, — Хромоножка и Семен Яковлевич. Оба они подробно охарактеризованы и выписаны (в то

время как “всамделишные” юродивые “Братьев Карамазовых” лишь бегло упомянуты в предыстории романа, как отец Варсонофий, Лизавета Смердящая и мать Алексея). Также присутствует значительный ряд юродствующих персонажей. Поэтому именно на примере “Бесов” мы и хотим проиллюстрировать специфику юродства у Достоевского.

* * *

Самым важным — равно как и наиболее сложным и загадочным — персонажем-юродивым в “Бесах” является Марья Тимофеевна (Хромоножка). Сквозь ее безумие проступает божеское начало: искренняя вера, мечтательность и детскость. В контраст многим снижающим чертам его облика (худоба, жидкие волосы, неуместные сурьма и белила) Достоевский особенно выделяет ее глаза, которые выражают ее душевную чистоту и глубину:

...тихие, ласковые, серые глаза ее были и теперь еще замечательны; что-то мечтательное и искреннее светилось в ее тихом, почти радостном взгляде. Эта тихая, спокойная радость, выразившаяся и в улыбке ее, удивила меня [9, т. 10, с. 114].

У образа Хромоножки очевидные фольклорные черты, выражающиеся, в частности, в ее речи, перпевающей народные духовные стихи и апокрифы.

Одни исследователи отмечают богородичные коннотации к ее образу. Вяч. Иванов считал ее символическим воплощением “Вечной Женственности в аспекте русской Души” [13, с. 203]².

Л.И. Сараскина, напротив, считает внешнюю некрасивость Хромоножки косвенным признаком душевной порчи и, ставя ее в один ряд с другими *хромными* героями Достоевского, постулирует постоянную “сопряженность хромоты с бесноватостью” [6, с. 135]. Признавая, что “женщина, влюбленная в дьявола”, в то же время наделена заветными для самого Достоевского прозрениями о “Богородице — матери сырой земле”, Л.И. Сараскина находит компромисс в том, что объявляет ее образ амбивалентным, сообразно

² См. также: Булгаков С. Русская трагедия. О “Бесах” Ф. М. Достоевского в связи с инсценировкой романа в Московском Художественном театре // Русская мысль. 1914. Апрель; Аскольдов С. Религиозно-этическое значение Достоевского // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы. Сб. I / под ред. А.С. Долинина. Пб., 1922; Зандер Л.А. Тайна добра (Проблема добра в творчестве Достоевского). Париж, 1960; Мочульский К.В. Достоевский. Жизнь и творчество // Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 219–562.

с генеральной линией психологизма Достоевского: «Марья Тимофеевна, в душе которой молитва и преступление, экстатический восторг и “тошное” томление “вместе живут”, олицетворяет стихию человеческую, когда “дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» [6, с. 146].

Мы не можем согласиться как с “богородичной” трактовкой образа Хромоножки (которая несовместима с ее безумием), так и с признанием ее “одержимой бесами” – ввиду просветленности образа, очевидно выражающего по авторскому замыслу сокровенные интуиции народной веры. Противоречивость образа Марьи Тимофеевны естественно объясняется ее юродством “во Христе” (то есть неподдельным безумием), сочетающим в себе страдание, служение Богу (праведничество, не обязательно дорастающее до святости) с девиантным, вызывающим поведением. С учетом важности ее народного религиозного мировоззрения, ее можно даже признать, невзирая на ее “некнижность”, героем-идеологом³.

Марья Тимофеевна ощущает в себе призвание к глубочайшему, священному горю. По логике ее *идеи*, она “спасает” своим страданием некий сокровенный идеал – обрученного с ней богоравного “светлого князя” (подобно тому как Кириллов надеется победить смерть своим самоубийством, а Иван мечтает совершить “геологический переворот”). Помимо горя внешнего (слабоумная и увечная, она брошена и отвержена мужем, её тиранит, до побоев, брат), она страдает от некоей духовной раны – тоскует о якобы утопленном в пруду ребенке – выдуманном и добровольно взятом на себя смертном грехе. Рискнем провести аналогию со Христом, взявшим на Себя все грехи мира и испытавшим перед смертью самое страшное для человека – богооставленность⁴. Она живет своим горем, питается им духовно и претворяет его в просветленную радость. Примечательно, что когда Ставрогин предлагает ей публично объявить о браке и удалиться вместе в Швейцарию (столь памятную Мышкину), она отказывается от предложения – чтобы не предать свое страдание. Подобный духовный подвиг Достоевский видел и у “великой из великих радостной страдалицы, боговидицы и христоносицы

³ Хромоножку несомненно можно причислить к героям-идеологам, но в ее идее, благодаря народному сознанию, отчетливее проступает мифологическая основа, наличествующая, впрочем, у идей всех героев Достоевского.

⁴ Имеется в виду предсмертный возглас Христа: “а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! ламá савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?” (Мф. 27:46).

матери Марии Египтяныни” [9, т. 14, с. 267], аллюзии на которую в образе Марьи Тимофеевны уже отмечались исследователями⁵.

При визите Шатова и хроникера, то есть фактически наедине с собой (так как она легко *забывает* о гостях), Хромоножка изображается *радостной*, по-детски веселой: “...что-то мечтательное и искреннее светилось в ее тихом, почти радостном взгляде. Эта тихая, спокойная радость, выражавшаяся и в улыбке ее, удивила меня после всего, что я слышал о казацкой нагайке и о всех бесчинствах братца” [9, т. 10, с. 114]. Похожее чувство, согласно словам старца Зосимы, должен был испытывать ветхозаветный Иов, утешившись от, казалось бы, неодолимой скорби после действительной потери детей (“Но можно, можно: старое горе великою тайной жизни человеческой переходит постепенно в тихую умиленную радость” [9, т. 14, с. 265]).

В других случаях – при знакомстве в церкви с генеральшей Ставрогиной, а также во время посещения ее дома, далее на свидании со Ставрогиным в своей комнатке – Марья Тимофеевна, напротив, выказывает черты вызывающего юродства, скача, крича, падая на колени или смеясь невпопад. Вместе с тем, ее поведение остается загадочным: на людях – ибо под ним скрывается тайна ее брака со Ставрогиным, а с ним самим – ибо намекает на какую-то ей одной известную истину о высоком предназначении своего мужа, которому он изменил и вследствие этого переродился до безродного самозванца. Духовное призвание Ставрогина – самая глубокая загадка романа, остающаяся сокрытой. Достоевский никогда не проговаривал однозначно в своих текстах своих сокровенных религиозных идей. Вспомним, как князь Мышкин боится “окарикатурить” идею собой (“Я всегда боюсь моим смешным видом скомпрометировать мысль и *главную идею*. Я не имею жеста. Я имею жест всегда противоположный, а это вызывает смех и унижает идею” [9, т. 8, с. 458]). Таким образом, Мышкин *боится* показаться юродивым. На званом вечере, когда князь впервые высказывается, он все же становится смешон, *нечаянно* разбивая вазу и *невольно* падая в припадке. Эти поступки внешне подобны жестам юродивого, но, как мы видим, не делают его таковым. Как раз разбитие вазы и начало припадка останавливают князя, не позволяя ему донести свою идею. Хромоножке же удается поведать о сокровенном, но лишь мифом, загадкой и,

⁵ См.: *Смирнов И.П.* Древнерусские источники “Бесов” Достоевского // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 212–220.

как нам кажется, именно благодаря своему юродству. В этом и состоит функция образа и заключается объяснение того, почему для Достоевского необходимо было сделать его юродивым.

Эпизод посещения компании “нигилиствующей” молодежи блаженного Семена Яковлевича на первый раз кажется совершенно избыточным, слишком пространным для не имеющего никакого сцепления с сюжетом.

В отличие от Хромоножки, Семен Яковлевич изображен в романе как лжеюродивый, сделавший из своей популярности выгодное ремесло. Он был списан Достоевским с блаженного Ивана Яковлевича Корейши, представленного в книге И.Г. Прыжова “Двадцать шесть московских лжепророков, лжеюродивых, дур и дураков” (1865). Знакомство Достоевского с этой книгой достоверно установлено и тем более примечательно, что сам Прыжов был членом “пятерки” Нечаева и участвовал в убийстве Иванова, послужившем сюжетной основой романа “Бесы”. Интерес революционеров к народным верованиям и психологии был для писателя знаком, что к народному сознанию нигилисты хотят подобрать ключи для использования его в своих разрушительных целях, и тут юродивые и лжеюродивые, собиравшие толпы почитателей и целые капиталы, были для них показательным примером удачной манипуляции народным сознанием. Важно было то, что “народным пророкам” верили не только необразованные крестьяне, но и богатейшие купцы и купчихи, духовенство и даже титулованная знать. Двадцать шесть юродивых, описанных в книге Прыжова – особо почитаемых *только по Москве*, – указывали на повсеместную распространенность явления и масштаб их популярности. На примере Семена Яковлевича Достоевский демонстрирует простейшие приемы, используемые “блаженными”, чтобы поразить почитателей и утвердить свою славу в их глазах: это разговор загадками (короткими, бессмысленными репликами: “миловзоры, миловзоры” – [9, т. 10, с. 257]), намеренная грубость и нарушение всех приличий (когда посылают по-матерному знатную даму [9, т. 10, с. 260]), агрессивные выходки и алогичная противоречивость в обращении с разными посетителями (когда одному гостю Семен Яковлевич велит наложить в чай тройную долю сахару, а другого обделяет чаем вовсе).

Интересно, что в конце этой сцены манеру поведения Семена Яковлевича неожиданно воспроизводит Лизавета Тушина, приказывающая встать перед “блаженным” на колени своему жениху Маврикию Николаевичу. Последний,

поблуднев, все-таки выполняет ее просьбу, чем подвергает саму Лизу почти в ужас, так что она даже бросается его поднимать. Завершается сцена совсем неожиданно: после того как “блаженный” ругает даму из компании “озорников” по-матерному, все устремляются вон, и тогда в дверях Лиза вдруг сталкивается со Ставрогиным и замахивается рукой для пощечины, от которой Николай Всеволодович едва смог уклониться. (Таким образом, завершение визита Семена Яковлевича завершается для Ставрогина так же скандально, как и расставание с Хромоножкой.)

Таким образом, Лиза фактически сама начинает юродствовать, и даже более истерично, чем лжеюродивый. Это немного скрадывается тем, что по мере развития романного действия “юродливый” жест все чаще выказывается у самых разных персонажей, в результате чего расшатывается норма, и у читателя возникает своеобразное “привыкание” к юродским выходкам. В дальнейшем Лиза продолжает отмечаться экстраординарными поступками в окружении толпы: сначала, когда она (уже сама!) встает на колени в грязь перед почитаемой иконой Богородицы (недавно ограбленной и оскверненной нигилистами) и жертвует ей свои бриллиантовые серьги (народ не выказывает при этом “ни порицания, ни одобрения”), а затем когда вызывающе идет к сожженному дому убитой Хромоножки, где собравшаяся толпа, приняв ее за виновницу злодеяния, растерзывает насмерть. Таким образом, ее юродливый жест у Семена Яковлевича был не случаен и задавал логику ее образа в целом – стремление заменить собой Марью Тимофеевну, законную жену Ставрогина, в его сознании – в том числе и перенимая ее “народные” юродские черты. С одной стороны, они принимают у нее скорее надрывный, не такой безумный характер, с другой – “всенародность” жестов подчеркивает их генетическую связь с юродством.

Если мы обратимся к началу романа, то обнаружим и у самого Ставрогина маркированное “юродливое” поведение. По приезде в город после долгого отсутствия Николай Всеволодович поражает всех неожиданными странными выходками. Вначале он хватается за нос почтенного сановника Гаганова (придравшись к его поговорке, что он никому не позволит “провести себя за нос”), затем публично целует молоденькую жену Липутина (который хвастался модной среди “нигилистов” эмансипированностью), наконец, кусает за ухо губернатора. Во всех этих диких поступках при ближайшем рассмотрении заложен поучающий смысл: высмеиваются как “гоголевская”

пошлость губернского бомонда и власти, так и упоенное упразднение приличий со стороны "нигилистов".

Как оказывается, сами "нигилисты" знают и с успехом применяют тот же набор приемов для манипулирования аудиторией. Петр Верховенский на собрании у "наших" привлекает к себе внимание нарочито грубыми выходками (в рамках пренебрежения "нигилистов" приличиями). Он перебивает выступления других, демонстративно показывает, что их не слушает, требует себе одному коньяк и, наконец, ножницы, чтобы при всех постричь себе ногти. При этом авторитет Верховенского и внимание к нему окружающих только возрастает. Все находят его поведение таинственным и интригующим и оказываются потрясены, когда "загадочный человек слишком вдруг раскрылся" [9, т. 10, с. 315].

Данная сцена объясняет введение в роман Семена Яковлевича, хотя сцена с ним, на первый взгляд, замедляет развитие действия. При сопоставлении с ним окончательно разоблачаются дешевые приемы манипулирования публикой Верховенского и ему подобных "прогрессивных" демагогов. Подобная ассоциация подтверждается и подготовительными материалами к "Бесам", где прототип Семена Яковлевича Корейши прямо соотнесен с нигилистами: «Иван Яковлевич: «Кололацы». У него откровенные кололацы, а у вас <речь идет о Петре Верховенском. — А.К.> те же кололацы, но вы думаете, что величайшая мудрость» [9, т. 11, с. 235]. Повтор непонятного слова "кололацы" (подлинное выражение Корейши) Достоевский в процессе работы над романом заменил на не менее бессмысленное "Миловзоры! Миловзоры!" [9, т. 10, с. 257].

Приемы юродства возникают как средство во что бы то ни стало обратить на себя внимание и добиться эмоциональной власти над окружением. Для понимания образа Петра Верховенского важно определение его Ставрогиным: "Есть такая точка, где он перестает быть шутком и обращается в... полупомешанного" [9, т. 10, с. 193]. Полупомешанный — это тот юродивый, только в случае Верховенского, желающего разрушить мир, не "во Христе", а "во дьяволе".

Интересен также феномен Степана Трофимовича Верховенского. Он претендует на роль и авторитет духовного вождя, каковым он и был краткое время в 1840-е годы; переживает, что его все больше забывают и перестают воспринимать всерьез. Более того, он чувствует, что в доме генеральши Ставрогиной он все более становится похож на приживальщика. Это настолько пугает

и тяготит его, что он все чаще срывается в своем поведении и, чтобы обратить на себя внимание, начинает прибегать к весьма эксцентрическим средствам и жестам. Так, при важном госте из Петербурга он громко кричит "Ура!", когда разговор заходит об отмене крепостного права, чем вызывает насмешливую улыбку барона. Во время речи на балу в пользу гувернанток он устраивает скандал, выкрикивает "гост за глупость" "уже в совершенном иступлении, бравируя залу" [9, т. 10, с. 372]. Сразу после сего он уходит из дому, прямо как описанный А.М. Панченко святой юродивый Степан Трофимович Нечаев (созвучье имен крайне выразительно, тем более что прототипом сына Степана Трофимовича Верховенского был студент Нечаев, к тому же учитывая, что от юродивого Степана сохранились письма близким, в том числе брошенной им жене, а Верховенский старший, также бросивший свою жену, наделен болезненной страстью к эпистолярному жанру, — но нет никаких свидетельств того, что Достоевский был знаком с разбираемым Панченко житием). Уход из дому — обязательное начало пути любого юродивого, своего рода инициация. Таким образом, Степан Трофимович *юродствует, именно для того чтобы не быть шутком*: быть смешным для него непереносимо.

Актерство его поведения не противоречит его "юродливому" смыслу. Показательно, что, уйдя из дома и покинув город, Степан Трофимович сразу сходится с простым народом. Его сначала чуждаются как "барина", но, увидев его детскую беспомощность, начинают жалеть — именно как "блаженного". Тут же он сближается со странницей-книгоношей. Перед смертью он приходит к Богу и даже начинает пророчествовать, а именно толкует евангельские строки об исцелении гадаринского бесноватого, вынесенные эпиграфом ко всему роману. Пророческим пафосом он объединяется с Хромоножкой, Петром Верховенским и Кирилловым (все четверо наделяются "юродливым жестом").

Таким образом, юродство в его народном, христианском варианте возносится Достоевским над шутством.

Сложную природу имеет поведение Кириллова перед его "идейным" самоубийством. Герой и раньше был настолько погружен в свою идею, что сделался косноязычным. На своей предсмертной записке он хочет нарисовать рожу с высунутым языком, что было бы характерным юродством. Когда Петр Верховенский отговаривает его, он подписывается с издевательским вывертом: "de Kiriloff, gentilhomme-séminariste russe et citoyen

du monde civilisé!” (“Кириллов, русский дворянин-семинарист и гражданин цивилизованного мира” — *фр.*). Затем следует безобразная и комически-ужасная сцена, когда Кириллов убегает в соседнюю темную комнату с револьвером, но вместо самоубийства долго прячется там за шкафом, а когда Верховенский отправляется на его поиски со свечой, задувает внезапно свечу и изо всех сил кусает его за палец, так что тот убегает в ужасе. Перед нами опять непонятный юродский выверт, связанный с причудливым выражением главной идеи героя. Отметим также сходство девиантных жестов Кириллова с ёрничанием Ставрогина (кусанием за ухо губернатора) в его первое возвращение в город.

Даже Шатов начинает юродствовать (или по крайней мере сам так видит себя — “*пляшущим нагишом*”) в момент, когда начинает исповедовать перед Ставрогиным свою идею о русском народе-богоносце: “Он вскочил с места; **даже пена показалась на губах его**”; “Я верую... — **залепетал в исступлении Шатов**”; “Я для вас теперь полчуса **пляшу нагишом**”; “Шатов **неистово бросился** вслед за ним. — Целуйте землю, облейте слезами, просите прощения! — **вскричал** он, схватывая его за плечо” [9, т. 10, с. 200–202].

Высказанные наблюдения позволяют нам сделать важные выводы: хотя юродивыми в узком смысле народной христианской традиции можно считать только Марию Тимофеевну и Семена Яковлевича, однако практически все значимые герои “Бесов” юродствуют, хотя бы в одной-двух отдельных сценах. Некоторые — осознанно и в манипулятивных целях, другие — из-за нервного срыва, третьи — чтобы любой ценой обратить на себя внимание.

Это создает в “Бесах” особую “юродливую” атмосферу, притом что юродствует каждый персонаж по-своему. В прочих романах “пятикнижия” наблюдаются схожие мотивы в поведении отдельных героев, но нигде более они не складываются в устойчивую модальность системы отношений. Наличие двоих всамделишных юродивых усиливает и организует мотив, задает вектор восприятия юродства как общей линии поведения персонажей.

Почему же писателю понадобилось столь углубленная разработка данного мотива именно в “Бесах”?

Как мы уже обращали внимание, в большинстве случаев юродствуют герои при изложении своих заветных идей, с целью эмоционального воздействия на окружающих. Главной темой

“Бесов” как антинигилистического романа становится идеологическая борьба в обществе и воздействие новомодных разрушительных идей на самые различные слои: от народного до высшего дворянского. Разрушение старых мировоззренческих устоев вносит хаос в сознание и принимает неожиданные беспорядочные формы. Характерен рассказанный анекдот про одного подпоручика (“молодого человека, недавно из Петербурга, всегда молчаливого и угрюмого”), который “не вынес выговора и вдруг бросился на командира с каким-то неожиданным взвизгом, удивившим всю роту, как-то дико наклонив голову; ударил и изо всей силы укусил его в плечо; насилу могли оттащить. Сомнения не было, что сошел с ума, по крайней мере обнаружилось, что в последнее время он замечен был в самых невозможных странностях. Выбросил, например, из квартиры своей два хозяйские образа и один из них изрубил топором; в своей же комнате разложил на подставках, в виде трех налоев, сочинения Фохта, Молешота и Бюхнера, и пред каждым налоем зажигал восковые церковные свечки” [9, т. 10, с. 269]. То есть очевидно умопомешательство на основании увлечения материалистическими теориями и придания им религиозного значения. А очевидно юродские выходки вроде разрубания икон или укушения командира ставят подпоручика в один ряд со Ставрогиным и Кирилловым. Таким образом, юродство становится для Достоевского сопровождением и следствием экзистенциального кризиса, укоренившейся в культурном обиходе формой духовного своеволия и социального протеста.

Были и объективные основания тому, что феномен юродства присутствовал в сознании новоявленных нигилистов. Поскольку социалисты 1860-х годов хотели опереться на все виды противоправительственных движений в обществе, они действительно устанавливали контакты со всевозможными сектантами и старообрядцами (по поручению Герцена этим занимался В.И. Кельсиев, написавший впоследствии много очерков о русских сектантах и, возможно, бывший для Достоевского одним из прототипов Шатова), в среде которых был своеобразный культ юродства.

У героев, обративших в своего рода религию крайние материалистические взгляды, юродство иногда настолько сливается с *беснованием*, что не представляется возможным провести точную границу, особенно когда персонаж находится в состоянии аффекта (подобно Кириллову):

становится невозможным отличить отчаянное ёрничество от помешательства или припадка.

Развитие мотива юродства позволяет Достоевскому передать свое специфическое видение эпохи перемен, когда "все поехало с основ". Во-первых, писатель отмечает крайнюю дезориентированность и неустойчивость общественного мнения, что позволяет им манипулировать "прогрессивным" шарлатанам точно так же, как заправляли с помощью дешевых трюков "лже-юродивые" безграмотной толпой.

Во-вторых, Достоевскому важно подчеркнуть "сектантский" характер "передовых убеждений", когда на веру принимаются готовые формулы, как в самых примитивных религиозных верованиях и суевериях.

В-третьих, отмечается необыкновенное душевное напряжение, ставящее ищущих новую истину людей на грань нервного срыва, не исключаящее подлинного драматизма их переживаний, но в целом создающее в обществе болезненную, истерическую атмосферу. Отсюда появление истериков и кликуш самого разного толка и рода.

В-четвертых, писатель усматривает обусловленность духовных пертурбаций настоящего исторического момента русским национальным характером и глубинными пластами народного сознания — исконной низовой религиозной традицией. В этом смысле очень характерна сцена поклонения Лизы чтимой иконе и реакция на ее поступок простого люда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лихачев Д.С., Панченко А.М. Смеховой мир Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 204 с.
2. Лотман Ю.М. Романы Достоевского и русская легенда // Реализм русской литературы 60-х гг. XIX в. Л.: Наука, 1974. С. 129–141.
3. Словарь современного русского литературного языка: 17 т. Т. 17: X–Я. Л.: Изд-во АН СССР, 1965. 2126 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1994. Т. 4. 1619 стб.
5. Федотов Г. Святые Древней Руси. М.: Ломоносовъ, 2017. 222 с.
6. Сараскина Л.И. "Бесы": роман-предупреждение. М.: Сов. писатель, 1990. 480 с.
7. Гурова Е.П. Юродивые в романах Ф.М. Достоевского // Вестник Пермского университета: российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 136–145.
8. Иванов В.В. Юродивый герой в диалоге иерархий Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 1994. Вып. 3. С. 201–209.
9. Достоевский Ф.М. Полн. собр. сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
10. Макаричев Ф.В. Юродство и юродивые в произведениях Ф.М. Достоевского // Проблемы истории, филологии, культуры. 2003. № 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yurodstvo-i-yurodivye-v-proizvedeniyah-f-m-dostoevskogo> (дата обращения: 19.12.2022).
11. Кабакова Е.Г. Юродивые и "юродствующие" в романе Ф. М. Достоевского "Бесы" // Вестник Челябинского университета. Сер. 2. 1997. № 1. С. 92–104.
12. Клейман Р.Я. Сквозные мотивы творчества Достоевского в историко-культурной перспективе. Кишинев: Штиинца, 1985. 201 с.
13. Иванов В.И. Основной миф в романе "Бесы" // Иванов В.И. Лик и личины России: Эстетика и литературная теория. М.: Искусство, 1995. С. 304–311.

REFERENCES

1. Likhachev, D.S., Panchenko, A.M. *Smekhovoj mir Drevnej Rusi* [The Laughter World of Ancient Russia]. Leningrad, 1976. 204 p. (In Russ.)
2. Lotman, Ju.M. *Romany Dostoevskogo i russkaya legenda* [Dostoevsky's Novels and Russian Legend]. *Realizm russkoj literatury 60-kh gg. XIX v.* [Realism of Russian Literature of the 1860s]. Leningrad, 1974, pp. 129–141. (In Russ.)
3. *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v 17 t.* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language in 17 Vols.]. Leningrad, 1965, Vol. 17. 2126 p. (In Russ.)
4. Dahl, V.I. *Tolkovij slovar zhivogo velikoruskogo yazyka in 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language in 4 Vols.]. Moscow, Progress Publ., 1994, Vol. 4. 1619 p. (In Russ.)
5. Fedotov, G.P. *Svyatyje Drevnej Rusi* [Saints of Ancient Russia]. Moscow, 2017. 222 p. (In Russ.)
6. Saraskina, L.I. "Besy": roman-preduprezhdenie ["Demons": A Warning Novel]. Moscow, 1990. 480 p. (In Russ.)
7. Gurova, E.P. *Yurodivye v romanah F.M. Dostoevskogo* [Holy Fools in the Novels of F.M. Dostoevsky]. *Vestnik Permskogo universiteta: rossijskaya i zarubezhnaya filologiya* [Bulletin of Perm' University: Russian and Foreign Philology]. 2014, Vol. 3 (27), pp. 136–145. (In Russ.)
8. Ivanov, V.V. *Yurodivyj geroj v dialoge ierarhij Dostoevskogo* [Holy Fool Hero in Dostoevsky's Dialogue of Hierarchies]. *Problemy istoricheskoj poetiki* [Problems of Historical Poetics]. 1994, Issue 3, pp. 201–209. (In Russ.)

9. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij in 30 t.* [Complete Works in 30 Vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
10. Makarichev, F.V. *Yurodstvo i yurodivye v proizvedeniyakh F.M. Dostoevskogo* [Holy Foolishness and Holy Fools in the Works of F.M. Dostoevsky]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Problems of History, Philology, Culture]. 2003, No. 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yurodstvo-i-yurodivye-v-proizvedeniyah-f-m-dostoevskogo> (from: 19.12.2022). (In Russ.)
11. Kabakova, E.G. *Yurodivye i “yurodstvuyushchie” v romane F. M. Dostoevskogo “Besy”* [Holy Fools and “Foolish” in F.M. Dostoevsky’s Novel “Demons”]. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta. Seriya 2* [Bulletin of the Chelyabinsk University. Ind. 2]. 1997, No. 1, pp. 92–104. (In Russ.)
12. Klejman, R.Ja. *Skvoznye motivy tvorчества Dostoevskogo v istoriko-kulturnoj perspective* [Cross-Cutting Motives of Dostoevsky’s Creativity in the Historical and Cultural Perspective]. Kishinev, 1985. 201 p. (In Russ.)
13. Ivanov, V.I. *Osnovnoj mif v romane “Besy”* [The Main Myth in the Novel “Demons”]. Ivanov, V.I. *Lik i lichiny Rossii: Estetika i literaturnaya teoriya* [The Face and Faces of Russia: Aesthetics and Literary Theory]. Moscow, 1995, pp. 304–311. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 26 января 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 14 февраля 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 апреля 2023 г.

Дата публикации: 30 июня 2023 г.

Received by Editor on January 26, 2023

Revised on February 14, 2023

Accepted on April 15, 2023

Date of publication: June 30, 2023